

Николай

ЛЕОНОВ

**Алексей
МАКЕЕВ**

**ПАПА
С ПРИЦЕПОМ**

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Оформление серии художников *В. Щербакова, Г. Саукова*

Иллюстрация художника *И. Варавина*

Леонов, Николай Иванович.
Л47 Папа с прицепом / Николай Леонов, Алексей Макеев. —
Москва : Эксмо, 2019. — 352 с. — (Черная кошка).

ISBN 978-5-04-104623-1

Новый роман о выдающемся сыщике Льве Гурове – герое старейшей детективной серии. За 25 лет вышло около 200 томов тиражом десятки миллионов экземпляров.

У студента Никиты неожиданно объявился родной отец, далеко не бедный предприниматель. Парень обрадовался: теперь их с матерью жизнь начнет налаживаться. Но счастье длилось недолго — вскоре мужчину нашли мертвым в собственном гараже. По совету друзей Никита обратился за помощью к полковнику МВД Гурову, и тот взялся расследовать это дело. Следы привели сыщиков в Череповец, где убитый занимался продажей металла. Неужели обычная месть конкурентов? Эта версия казалась правдоподобной, пока Гуров и Крячко не вышли на крупного воротилу, контролирующего тайные схемы криминального бизнеса...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-104623-1

© Макеев А. В., 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Папа с прицепом

ПОВЕСТЬ

Глава 1

Автосервис на Балтийской функционировал не первый год и все это время неизменно держал планку, ориентируясь на европейские стандарты качества, отчего котировался у москвичей весьма высоко. Не все филиалы известной сети автосервисов могли похвастаться стабильностью в плане обслуживающего персонала, здесь же текучка кадров практически отсутствовала. А все потому, что администратор, Колян Степаныч, как за глаза называли его сотрудники, толковый мужик. За рукастых людей держится, зарплату не зажимает и клиентов денежных и адекватных удержать умеет.

С клиентами Колян Степаныч работает виртуозно. Попадешь на такой момент, когда он клиента «окучивает», — залюбишься. Ведь и не лебезит перед толстосумами, и «мульку» не прогоняет, все честь по чести, а прислушивается народ, доверием проникается. Постоит, послушает, да и оставит свой шикарный автомобиль на профосмотр, хоть собирался всего лишь масло в движке заменить или резину с зимней на летнюю переобуть.

От Коляногого таланта работягам всегда навар. Во всех автосервисах мертвый сезон, а у Коляна очередь на месяц расписана. Парни по шестнадцать часов пашут, чтобы всех желающих успеть обслужить. И никто не стонет, на выходной не просится, потому что копейка трудовая от количества заказов складывается. Тут вам не оклад, тут сдельщина. Как говаривали деды: что потопаешь, то и полопаешь.

С распределением заказов у Коляна Степаныча всегда строго. Учет ведет в голове, но никогда не ошибается. От этого и зарплата примерно ровень, но не мизерная, а достойная,

в карман приятно положить, перед женой на столе не стыдно рассыпать, да и с друзьями в престижный клуб сходить по карману не бьет. Крутой из Коляна администратор, одним словом. Вот люди за работу и держатся, подвести его бояться, чтобы хлебного места не лишиться.

С этим у Степаныча строго. Бездельников и лоботрясов он у себя на Балтийской не держит. Жучил, которые своих же парней-работяг подставить норовят, на дух не переносит, и все это знают. Раз схитришь перед Степанычем — второго шанса он тебе не даст, выпрет взашей, да еще речь душеспасительную загнет такую, что самых толстокожих пробирает. Коллектив у Коляна Степаныча дружный, несмотря на то что разброс у слесарей в возрасте лет тридцать.

Пашке Глинкину за шестьдесят уже. Он с машинами с десяти лет возится. Ему и кличку за возраст дали соответствующую, Дед. Домовому чуть поменьше, к пятидесяти подходит, и в автосервисе он всего лет пять, но у клиентов ценится. Двум братьям-близнецам Шапошниковым по тридцать пять. Уключине, дородному рыжеволосому битюгу, около сорока. Остальным — в районе от двадцати пяти до сорока пяти. Стаж работы тоже у всех разный, но качество работы неизменно высокое.

Исключением из правила можно назвать разве что Никиту. Парень он совсем молодой, девятнадцать только стукнуло, опыта, соответственно, практически никакого, но держит его Колян Степаныч, приглядывается. Мужики шутят: Степаныч смену себе растит. А сам он над шуткой не смеется. Рано или поздно и ему смена понадобится, всегда приятнее знать, кто твое дело дальше поведет. А то ведь как строить — так никого, а как развалить плоды многолетнего труда — так специалистов пруд пруди.

Никита за такое доверие платит Степанычу сыновней любовью и безотказностью. Работать он только в вечернее время да по ночам может. Утром в институте гранит науки грызет, а еще за матерью присматривает. Мужики злятся, простофилей Никиту считают. Вот, мол, повесил себе на шею обузу. Ладно бы еще инвалидом была, ноги отказали, или к капельнице привязана, а то ведь вся привязка в бутылке заключается.

«Агдам» да «Три семерки» — лучшие друзья. Никита нападки терпит и мать не бросает. Продукты домой таскает, чтобы той было чем закусить, а деньги — ни-ни, у Степаныча в подсобке держит. Узнает мать, что в доме деньжата завелись, до тех пор не успокоится, пока заначку не найдет, а найдет, так сразу и пропьет с дружками. Одно хорошо, водить в дом своих собутыльников перестала. Это после того, как Никита ей ультиматум выдвинул: либо дружки-алкоголики, либо крыша над головой и жрачка.

А руки у Никиты золотые, и голова толковая. За год так слесарскую премудрость изучил, как иной за десять лет не освоит. И сам образовывается, повышает квалификацию. Свободная минутка выпадет — мужики курить, а он в телефон уткнется и не в игрушки, как его сверстники, играет, а статьи всякие по ремонту автомобилей выискивает и заучивает наизусть. Сам Колян Степаныч нет-нет да обращается к студенту с вопросом, если какую новомодную примочку в автомобиль поставить нужно. Никита информацию соберет, изучит и проконсультирует мужиков.

Сегодня на Балтийской работы немного, пересменок случился. Три авто на два дня раньше закончили, ремонт еще одной пары притормозили, хозяева на моря стартанули. Лето все-таки, время отпусков, всем на солнышке погреться охота. Мужики уже перекур закончили, переодеться собрались, а Никита над «Опелем» завис. Полчаса простоял без движения. Забеспокоились мужики, такого с Никитой еще не случилось, чтобы он не знал, какой следующий шаг в работе, а помощи не просил. Дед с мужиками посоветовался и решил вмешаться.

— Эй, студент, чего над капотом висишь? Не срастается что-то? — крикнул он.

Никита даже не шелохнулся. Дед покачал головой и поплелся к «Опелю». Подошел, похлопал Никиту по плечу. Тот вздрогнул, перевел на него взгляд, и Дед обеспокоенно спросил:

— Ты в порядке, парень?

— А? Что? Да, дядь Паш, я в порядке. — Никита потер лицо руками. — Устал немного, но в целом в норме.

— Снова мать дебоширила?

— Нет, она сейчас в завязке. Неделю не пьет, — машинально ответил парень, но Дед видел, что мысли его где-то далеко.

— Снова отец? — спросил он, понизив голос, чтобы не слышали остальные мужики.

— Не беспокойтесь, дядь Паш, — ушел от ответа Никита.

— Ну, смотри... А то, если помощь нужна, я могу и остаться. Барбара моя сегодня у внуков ночует, так что я почти холостяк, — предложил Дед. Барбарой он любовно супругу свою величал, за пристрастие к бразильским сериалам.

— Спасибо, дядь Паш, но я и сам справлюсь. Честно.

Дед ушел, Никита быстро подсоединил клеммы аккумулятора, закрыл капот и пошел в раздевалку. Мужики еще не рассосались: меняли спецовку на парадно-выходную одежду, смеялись и подкалывали друг друга. В общем, привычная картина для конца трудового дня. Он достал из металлического ящика джинсы и футболку, сбросил робу и поплелся в душевую. На душе было муторно, настроение, как у куклы Барби, тоскливо-слезливое.

«Говорят, со временем отпустит, а когда наступит это время? Через полгода, через год? Месяц прошел, а легче не стало. Дед простой вопрос задал, а ты сразу окаменел весь. А ведь он не из праздного любопытства, помочь хочет. Видит, как я маюсь. Мать — другое дело, она больше о потере халявы плачется. Только нашла поилку, из которой водка пусть и не рекой, но стабильным ручейком текла, а он взял и помер. Ох уж ей и обидно. Неделю пить не на что, проценты со вклада снять нельзя, иначе все профукаешь, а выпить-то охота. Домой сегодня лучше не спешить, допечет так, что сам за бутылкой поскачешь». — Мысли в голове Никиты жили как бы сами собой, и рад бы заглушить, да никак не выходит.

Чаще всего мозг атаковали два воспоминания. Первое — они с отцом в развлекательном центре на Садовом кольце. Шикарный центр, и место шикарное, в открытом ресторане на крыше четырехэтажки. Здорово все-таки эти барыги придумали, сидишь себе, сок или коктейль через трубочку потягиваешь и на Москву любишься. Это, конечно, не Останкинская баш-

ня с ее знаменитым рестораном, но тоже эффектно. Раньше он там никогда не был. Раньше... Странное слово и ощущения странные.

Еще совсем недавно его жизнь текла ровно и размеренно и вдруг, в одночасье, круто изменилась, разделившись на «до» и «после». Как так вышло, он и сам до конца не понял. Просто в один по-настоящему прекрасный момент у него появился отец. И ведь не бомжара какой-то, не пропойца, как мать, не трутень, а самый настоящий отец, со всеми вытекающими последствиями.

Пришел на работу, вызвал на улицу и вывалил на голову новость. Привет, мол, я твой биологический отец. Ничего так новость на девятнадцатом году жизни. И где же ты раньше был, папаша? Гулял-гулял, и вдруг в семью поиграть захотелось? А ты меня спросил, оно мне надо? Мне мамы за глаза хватает, так еще и папаша объявился.

Оказалось, зря бузил. О существовании сына отец узнал всего неделю назад. Вечно пьяная мамаша не сочла нужным оповестить его о рождении ребенка. Ничего удивительного. Как сама-то об этом не забыла, вопрос. Ну, да бог с ней, как сложилось так сложилось. Решил отец наверстать упущенное, кто против?

Познакомились, начали общаться. Сначала осторожно, точно борцы на ринге друг друга прощупывали, а потом как-то все устаканилось. Даже весело стало. Олег (язык не поворачивался называть его отцом) оказался человеком весьма незаурядным. Много знал, много читал, на любую тему разговор поддержать умел. И подарками подкупить не пытался, что Никите нравилось больше всего.

Что матери денег подбрасывал — так это, можно сказать, производственная необходимость. По документам-то он Никите никто, а мамаша возбухать начала, мол, нечего к моему ненаглядному пристраиваться. Ты его не растил, не тебе и проценты стричь. Прямо так и сказала. И невдомек ей, что сын уже совершеннолетний, с кем решит, с тем и будет общаться. Олег же к ее причудам отнесся снисходительно. Деньги давал, но умеренно, потому и он, Никита, не сильно на счет этого переживал.

А месяц назад жизнь снова круто завернула. И новую черту разделительную провела на «до» и «после». Только теперь это «после» таким мерзким стало, хуже кучи дерьма. Раньше делилось «до отца» и «после отца», теперь к обеим границам прибавилось трагическое слово «смерть». Если вдуматься, понимаешь, насколько страшное это слово. Интересно, кто-нибудь еще об этом задумывался? Те, кто говорит: подумаешь, смерть, все мы рано или поздно умрем, так чего ее страшиться, — идиоты! Смерть страшна не тому, кто умирает, а тому, кто остается. Первому уже все равно, для него это просто конец всему. Но для того, кто остается, это понятие куда шире. Это не конец, это начало мучений. Начало душевных терзаний, боли, тоски и одиночества. Начало бессонных ночей и рек слез, пролитых в подушку. Начало черной депрессии и пустоты. Мало? Можно и продолжить, да только какая от этого польза?

Но самое страшное не в тоске и одиночестве. Самое страшное в вечном вопросе, который задают себе те, кто остался. Задают непременно, даже обязательно. Перед теми, кто остается, этот вопрос стоит всегда. Мог ли ты сделать хоть что-то, чтобы предотвратить смерть близкого человека? У каждого ответ звучит по-разному, но только в деталях. В главном он выглядит всегда одинаково: мог. Может, не в момент смерти, а намного раньше, но всегда мог.

Мог заставить жену пройти обследование молочных желез еще в тридцать, и тогда, в свои неполные сорок, она не умерла бы под ножом хирурга. Мог не покупать сыну первый мопед, и тогда в двадцать, войдя во вкус быстрой езды, он не разбился бы на гоночном мотоцикле. Мог не пустить подругу на курсы кройки и шитья, и тогда она не разбилась бы в самолете, спустя десять лет отправившись на рабочую конференцию. Снова мало? Этот список можно продолжать до бесконечности...

Для Никиты точкой, когда он «мог», всегда будет стоять тот поход в развлекательный центр на Садовом кольце. Неудивительно, что мозг то и дело прокручивает его, как заезженную пластинку. Встреча была классная. Таких встреч становилось все больше: ушла неловкость, появились общие воспоминания, начали зарождаться общие интересы, и даже места отдыха стали «общими». И все же кое-что неприятное в эту встречу

произошло. Тот звонок, который не дает Никите покоя. Когда зазвонил телефон, они сидели на открытой веранде, обустроенной под кафе. Олег пил кофе, Никита выбрал сок. Болтали ни о чем, пока не нащупали интересную тему, что-то про ацтеков. С некоторых пор Никиту заинтересовала история ацтеков, он читал любопытные статьи, изучал материал. И вдруг обнаружилось, что Олег в этой теме шарит не хуже профессора исторических наук. Ну, и зацепились языками.

А тут этот звонок. Олег явно не хотел брать трубку, в первый раз даже сбросил вызов. Но звонок повторился, потом еще раз и еще. Никита неловко ерзал на стуле, ему казалось, что отец не берет трубку из-за его присутствия. Тогда он схитрил. Сказал, что ему надо в туалет, поспешно поднялся и вышел. Оглянувшись от порога, увидел, что Олег уже разговаривает по телефону, и ушел. Когда вернулся, отец все еще продолжает говорить, отойдя к парапету, и явно был в сильном раздражении, так как разговаривал на повышенных тонах, и Никита невольно кое-что услышал. Не особо приятные вещи, надо сказать. Олег с кем-то спорил, вернее, ругался. Суть конфликта Никита не уловил, но и того, что услышал, оказалось достаточно, чтобы понять — Олегу кто-то угрожает, и ему не остается ничего другого, как угрожать в ответ. Стальные нотки в голосе новоиспеченного отца, злые льдинки в глазах, напряженные плечи и изменившийся до неузнаваемости голос: все это напрягало.

«По сути, что я знаю о нем? — пронеслось в голове Никиты. — Только то, что он посчитал нужным сообщить. А вдруг все его слова лишь пустой треп? Вдруг он не тот, за кого пытается себя выдать? Да нет, зачем это ему? Что можно с меня взять? Сомнительное наследство в виде пьющей мамы, больше ничего. И кто же в здравом уме позарится на такое богатство?»

А Олег продолжал наезжать на неизвестного собеседника. Говорил жестко, отрывисто, даже как-то беспощадно. Даже Никите, который к конфликту совершенно никакого отношения не имел, и то стало не по себе. Он остановился, не доходя двух столиков до Олега, и никак не мог решить, стоит ли сейчас попадаться на глаза отцу или лучше переждать. Неизвест-

но, на что он решился бы, но Олег заметил его раньше. Лицо его сразу преобразилось, расцвело доброжелательной улыбкой. Он призывно замахал рукой, подзывая Никиту, и скоренько свернул разговор.

Неприятную сцену они не обсуждали, так, парой фраз перекинулись и забыли. Вернее, сделали вид, что забыли. «Проблемы?» — спросил Никита. «Ерунда, не бери в голову», — ответил Олег. На этом все и кончилось. На тот момент.

Второе воспоминание должно бы, по идее, бить сильнее, а вот нет. Просто из головы не идет, душу выматывает, но угрызений совести при этом не вызывает. Никита в городском морге возле стеллажей холодильных камер. Справа стоит следователь, слева сотрудник морга, который ждет, пока Никита будет готов, так, по крайней мере, он сказал. А Никита уперся взглядом в дверцу камеры под номером «восемнадцать двадцать три» и ни слова произнести не может. Даже кивнуть в знак того, что готов, и то не в состоянии. Вокруг не осталось ничего, кроме этих выведенных трафаретом цифр. Они наползают, становятся все больше, будто хотят вырасти до размеров динозавра и сожрать всех, кто дерзнет прикоснуться к ручке дверцы.

Сожрать не сожрали, но сознание Никита все же потерял. Как сквозь вату услышал окрик следователя, ощутил на плечах заботливые руки работника морга, и следующее, что почувствовал, когда снова начал себя осознавать — это холод искусственной кожи, обтягивающей кушетку. Следователь трындел с кем-то по мобиле, а сотрудник морга легонько водил у носа Никиты ваткой, смоченной в нашатыре.

Опознание Никита все же произвел. Взглянул на Олега, накрытого белой простыней, признал в нем того человека, кого всего несколько месяцев назад узнал как своего отца, подписал соответствующие бумаги. На тот момент он просто не мог задавать вопросы, выслушивать детали и подробности того, что случилось с отцом. Вообще был не в состоянии общаться с кем бы то ни было. Следователь к его состоянию отнесся с пониманием. Наверное, ему не раз приходилось наблюдать подобное, поэтому он и не возмущался. Велел прийти в отдел завтра и даже на машине до дома подбросить предложил.

Никита отказался. Отбрехался тем, что хочет побыть один, разобратся в своих ощущениях. Все-таки отцом ему Олег был всего несколько месяцев. По большому счету его смерть никак на жизни Никиты не должна отразиться. Подумаешь, все вернется на круги своя, на период «до отца». Следовательно не настаивал, отпустил парнишку с миром. Никита пробежался быстрой рысцой от морга до набережной, но разве это прогулка? Слово «прогулка» подразумевает под собой нечто иное. Красивое место, приятная компания. Все неспешно, тепло и празднично. Но и домой ему идти в таком состоянии совершенно противопоказано. Там мать, а вместе с ней расспросы и неуместное любопытство.

«Матери еще как-то сообщить придется. — Никита мысленно застонал. Мучительно думать о том, как сказать родительнице, что ее калым накрылся, и при этом не возненавидеть за то выражение, которое наверняка появится на ее лице. — Нет, сегодня ничего говорить не буду. Не буду, и точка», — решил он.

Но сказать пришлось. Мать сразу поняла, что у сына неприятности, так что отнекиваться смысла не было. Какой бы черствой и безответственной ее не считали окружающие, но настроение сына она угадывала безошибочно. Да, она могла быть грубой, неприятно безбашенной, но если у Никиты возникали настоящие неприятности, она никогда не усугубляла ситуацию ворчанием или нравоучениями. В такие минуты она становилась обычной, почти нормальной мамой. Садилась возле сына, прижимала его голову к своему костлявому плечу и гладила по волосам до тех пор, пока его плечи не расслаблялись, дыхание не становилось ровным, а дурные мысли не улетучивались из головы раз и навсегда. Вот такой вот парадокс.

Весь вечер мать просидела тихо, как мышь, а наутро завела свою песню: и как же ей снова не повезло, да как же жизнь несправедлива. Только стала компенсацию получать за то, что столько лет одна на горбу сына тянула, как злодейка-судьба взяла и забрала кормильца. Попричитала, поохала, и давай Никиту пытаться, что да как с его новоявленным отцом приключилось, с чего это он вдруг решил на себя руки наложить. Причем